

Алим Ульбашев

ПРАВО И ЛИТЕРАТУРА

Как Пушкин, Достоевский и Толстой придумали
Конституцию и другие законы

BONI ET AEQUI

МИО

МИФ Культура

Алим Ульбашев

**Право и литература. Как Пушкин,
Достоевский и Толстой придумали
Конституцию и другие законы**

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

2025

УДК 82:34
ББК 83:67.400

Ульбашев А. Х.

Право и литература. Как Пушкин, Достоевский и Толстой придумали Конституцию и другие законы / А. Х. Ульбашев — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 2025 — (МИФ Культура)

ISBN 978-5-00-250510-4

Всесильный Воланд, трусливый Хлестаков, плутоватый Бендер, принципиальный Левин – все эти персонажи знакомы нам со школьной скамьи. Но мало кто задумывается о том, как тесно связаны литература и право в России. Мог ли Раскольников не совершать преступление? В чем суть аферы Чичикова? Как Онегин, князь Болконский и братья Карамазовы помогли юристам написать Конституцию и другие законы? Алим Ульбашев – кандидат юридических наук, правовед и писатель – рассматривает современные законы сквозь призму отечественной литературы. Эта книга – попытка осмыслить, как художественная литература меняла представления о человеке, его правах и свободах и задавала тон общественным дискуссиям в нашей стране на протяжении целых столетий.

УДК 82:34
ББК 83:67.400

ISBN 978-5-00-250510-4

© Ульбашев А. Х., 2025
© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 2025

Содержание

От автора	7
Введение	9
Часть I. Былое и думы	15
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Алим Ульбашев
Право и литература. Как Пушкин,
Достоевский и Толстой придумали
Конституцию и другие законы

Научный редактор Юлий Тай

Книга не пропагандирует употребление алкоголя и табака. Употребление алкоголя и табака вредит вашему здоровью.

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Ульбашев А., 2025

© Оформление. ООО «МИФ», 2025

*Ф. А. Анимуковой, Б. К. Баговой и В. А. Федотовой –
необыкновенным школьным учителям, с уроков которых все начиналось*

*Всякая стадность – прибежище недаренности, все равно
верность ли это Соловьеву, или Канту, или Марксу. Истину ищут
только одиночки и порывают со всеми, кто любит ее недостаточно.
Борис Пастернак. Доктор Живаго*

От автора

Юристы часто пробуют себя в писательстве. Но по иронии судьбы грандиозных успехов и читательского признания добиваются лишь самые посредственные из них.

Франц Кафка отучился на правоведа и даже успел поработать страховым агентом. Однако профессию свою он искренне презирал, бесцеремонно поквитавшись с ней в романе «Процесс», ставшем культовым. Среди выпускников юридического факультета университета Рио-де-Жанейро числился Жоржи Амаду. В отличие от Кафки, он ни дня не потратил на занятия ненавистным делом, а сразу же посвятил себя литературному труду и позже снискал славу корифея бразильской прозы.

На первый взгляд юриспруденции чуждо все литературное: экспрессивность, образность, метафоричность как будто не имеют ничего общего с математически выверенными параграфами, статьями и абзацами законов, кодексов и уложений. И бюрократический язык, которым юристы выражают мысли в исковых заявлениях, полицейских протоколах и судебных приговорах, бесконечно далек от языка литературного. Употребление канцеляризм, профессиональных жаргонизмов, многострочные предложения с кавалькадами из плохо согласованных отглагольных существительных среди юристов считается едва ли не правилом хорошего тона. Неудивительно, что и читать тексты юристов, которые занимаются литературными упражнениями в перерывах между судебными прениями и допросами подследственных, – занятие малоинтересное.

Редкое исключение из этого безрадостного правила составляют детективные новеллы. Их авторы – как правило, бывшие следователи и прокуроры – со знанием дела рассказывают о хитроумных преступлениях, которые сами однажды распутывали. Так, например, стали классикой «Записки следователя» Льва Шейнина и «Записки адвоката» Ильи Брауде. В таких произведениях мы охотно прощаем писателю-юристу мелкие стилистические огрехи и погружаемся в захватывающие истории, которые будоражат воображение и приближают нас к юридическим реалиям.

На самом деле язык права, который часто смешивают с языком мелких чиновников и судебных стряпчих, ничем не отличается от литературного языка. Более того, подлинно выверенная юридическая речь сама по себе музыкальна и мелодична. Судебные выступления дореволюционных юристов – Федора Плевако, Анатолия Кони, Льва Куперника, Петра Пороховщикова (Сергеича) и Максима Винавера, – до сих пор почти не известны широкой аудитории, могли бы служить образцами русской словесности. Они волнуют так же, как рассказы Антона Чехова или тургеневские «Стихотворения в прозе».

Конечно, профессиональная среда формирует особый тип мышления юристов, но и ему не чужда литературность в самом высоком смысле этого слова. Наоборот, юридическая мысль со свойственными ей прагматизмом и логичностью нуждается в литературе как в нравственной основе, ведь именно художественным словом выражены общественные идеалы, на страже которых законы призваны стоять.

«Литература дает нам колоссальный, обширнейший и глубочайший опыт жизни. Она делает человека интеллигентным, развивает в нем не только чувство красоты, но и понимание – понимание жизни, всех ее сложностей, служит проводником в другие эпохи и к другим народам, раскрывает перед вами сердца людей. Одним словом, делает вас мудрыми» – эти слова академика Дмитрия Лихачева известны многим¹. В самом деле, литература – кладезь народной мудрости, ибо она обращена к человеческим страстям и общественным порокам, предлагает их глубокое осмысление.

Судья, прокурор, адвокат или депутат, как бы банально это ни звучало, должны быть по-человечески мудры. Если у них не будет проникательности, сострадания и эмпатии от недостатка опыта жизни, о котором писал Лихачев, это неизбежно приведет юристов к непоправимым ошибкам, ценой которых станут изломанные судьбы людей. К слову, именно это обстоятельство лежит в основе трагедии Катюши Масловой в «Воскресении» Льва Толстого: из-за досадной судебной ошибки и человеческого безразличия Маслову приговаривают к каторге за преступление, которое она не совершала.

Юриспруденция и литература в сегодняшней России – две сестры, которых в детстве разлучила мачеха, и они все еще не нашли друг друга. Мы попытались усадить двух сестер за один стол и напомнить им о кровном родстве. Но повзрослевшие сестры не желают глядеть друг другу в глаза и упорно не признают родственных уз, а потому разговор об их прошлом и будущем требует от посредников деликатности, а также вступительных разъяснений и наставлений.

В этой книге мы вместе с читателем попытаемся осмыслить то, как юридические принципы находили отражение в русской литературе и как литература влияла на правосознание в России. Мы постараемся по-новому взглянуть на сюжеты классических произведений, многие из которых нам знакомы еще со школьной скамьи, анализируя их с точки зрения правовых дилемм и этических вызовов. Отправляясь в это увлекательное путешествие, мы разберем то, как писатели использовали юридический контекст для придания художественным текстам большего драматизма и реализма, а также то, как литературные сюжеты меняли представления отечественных юристов и задавали тон общественным дискуссиям на протяжении целых столетий.

¹ Лихачев Д. С. Письма о добром / отв. ред. С. О. Шмидт. М.: Наука; СПб.: Logos, 1988. С. 75.

Введение

Изучение русской литературы – крайне рискованное предприятие. Всякого, кто решится по-настоящему осмыслить Александра Пушкина, Николая Гоголя, Федора Достоевского и Льва Толстого, ждет прозрение, к которому тот может оказаться не готов.

Чтобы разобраться в отношениях отцов и детей, научиться сострадать униженным и оскорбленным и приблизиться к тем, кому на Руси жить хорошо, не нужно обращаться к психологам, коучам и модным сегодня тарологам, достаточно лишь внимательно перечитать русскую классику. Нет ни одного общественного явления или человеческого переживания, которое бы не описали и не изучили отечественные писатели. Литература стала частью нашей жизни, большим, универсальным предисловием к ней.

Еще в XIX веке Михаил Лермонтов иронизировал над некоторыми читателями: «Наша публика так еще молода и простодушна, что не понимает басни, если в конце ее не находит нравоучения. Она не угадывает шутки, не чувствует иронии; она просто дурно воспитана. <...> Наша публика похожа на провинциала, который, подслушав разговор двух дипломатов, принадлежащих к враждебным дворам, остался бы уверен, что каждый из них обманывает свое правительство в пользу взаимной нежнейшей дружбы»². К сожалению, эти слова можно в полной мере применить и к юридическому сообществу начала XXI века, которому пока еще предстоит научиться читать между строк, чтобы за деревьями видеть лес. Этот навык всегда дается с трудом и только тем, кто проявляет должное усердие.

Типичный образ юриста, который так часто встречается в наши дни в нотариальных конторах, адвокатских кабинетах, приемных прокурора и лекториях юридических факультетов, напоминает заунывного фонвизинского Цыфиркина. Он вроде бы и знает кое-какие основы своей науки («Малу толику арихметике маракую», – с гордостью говорил он о себе³), но свою работу не любит, а без любви невозможно достичь значимых успехов. Потому нет ничего удивительного в том, что наша юриспруденция не желает идти в ногу со временем, будто живя в XIX веке, возлежа на диване и по-обломовски завернувшись в «халат из персидской мате-

² Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени // Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений. В 4 т. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1962. Т. 4. С. 275.

³ Фонвизин Д. И. Недоросль // Фонвизин Д. И. Собрание сочинений. В 2 т. М., Л.: Гос. изд-во художественной литературы, 1959. Т. 1. С. 125.

рии, настоящий восточный халат, без малейшего намека на Европу, без кистей, без бархата, без талии, весьма поместительный»⁴.

От лености или из-за пороков мы до сих пор не перебороли, не переросли буквоедский формализм предков. Подобно старорежимным правоведам, привыкшим сводить чтение законов к заучиванию буковок и запятых, за блеклой чернильной краской юридических текстов мы не видим великого многоцветья правовых идеалов и принципов. Вместо любви к закону испытываем перед ним неистребимый страх и ужас, как перед уличным полицейским, размахивающим дубинкой. Вот и живем, дрожа и приговаривая, как чеховский Беликов, «человек в футляре»: «Как бы чего не вышло»⁵.

В результате правоведение в России если до конца и не погублено, то выхолощено, сведено к дотошному применению циркуляров и инструкций.

«Что же делать?» – спросите вы.

Поскольку ответ на этот вопрос не уложить в одно или два предложения, я пошел на эксперимент и написал целую книгу, призвав себе на помощь классиков русской литературы. И надо отдать мэтрам художественного слова должное за то, что не бросили меня в этом сложном предприятии и из глубины веков протянули руку помощи.

О взаимосвязи между юриспруденцией и литературным творчеством впервые заговорили в XIX веке, хотя и в сугубо прикладных, педагогических целях. Тогда профессора европейских юридических школ, объясняя на лекциях правовые проблемы, использовали сюжеты художественных произведений, полагая, что таким образом студентам будет куда интереснее обсуждать скучные теории и законы.

Заставив слушателей задуматься над фабулой художественного произведения, лекторы не только расширяли культурный кругозор будущих юристов, но и позволяли им вырваться за рамки учебников. Студенты учились видеть за обезличенными нормами закона реалистичных персонажей со сложными судьбами, чувствами и переживаниями.

Обращение к литературным примерам с педагогической точки зрения оказалось весьма успешным. Дело в том, что в основе любого закона или судебного решения, как и драматического произведения, лежит жизненный конфликт. Он может быть вселенского масштаба или, наоборот, остаться почти никем не замеченным. Разногласия возникают между друзьями, сослуживцами, супругами, родственниками, незнакомцами. Споры могут быть вызваны разделом наследства или покупкой овощей в сельпо, неоплаченным проездом в трамвае, работой над секретным техническим изобретением в конструкторском бюро или обсуждением важных правительственных распоряжений. А иногда из искры спора разгорается целое пламя: прямо как в гоголевской «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», где два старинных друга в одночасье превратились в злейших врагов из-за сущей ерунды – несостоявшейся сделки по обмену ружья на бурую свинью.

Каждый конфликт требует своего справедливого юридического разрешения. Принимаясь за такую задачу, юрист как бы перевоплощается в писателя, литературные персонажи которого находятся в непростых жизненных обстоятельствах, а теперь ищут выход из сюжетного тупика.

Рудольф фон Иеринг – выдающийся немецкий профессор права XIX века, создатель юридической теории интересов (*Interessenjurisprudenz*), по чьим работам до сих пор изучают право в юридических школах Старого Света, – на своих лекциях просил студентов читать не только тексты законов и научные трактаты, но и... пьесу Уильяма Шекспира «Венецианский купец». Иеринг давал своим слушателям необычное по тем временам задание – оце-

⁴ Гончаров И. А. Обломов // Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем. В 20 т. СПб.: Наука, 1998. Т. 4. С. 6.

⁵ Чехов А. П. Человек в футляре // Чехов А. П. Собрание сочинений. В 12 т. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1962. Т. 8. С. 282.

нить шекспировскую историю с точки зрения гражданского права. Напомню, в «Венецианском купце» речь шла о векселе, который еврейский ростовщик Шейлок выдал купцу Антонио. По условиям соглашения, при просрочке платежа Шейлок вправе вырезать фунт мяса из тела должника. Несчастный Антонио не смог выполнить требование кредитора, и над ним нависла страшная угроза.

Конфликт между Антонио и Шейлоком в корне своем юридический, поэтому неудивительно, что герои вынуждены искать справедливости в суде. Шекспировский суд поначалу склоняется на сторону Шейлока, что означает неминуемую гибель Антонио. И это по-своему верно: *Dura lex, sed lex*⁶.

Заметьте, события пьесы разворачиваются в средневековой Венеции, источником благосостояния которой считалась торговля. Поэтому в «Венецианском купце» ни сенаторы, ни почтенный дож, искренне сочувствующие подсудимому, не решаются переступить через условия векселя. Волю коммерсантов, выраженную в письменном соглашении, тогда не ставили под сомнение, она приравнивалась к высшему закону.

В итоге Антонио спасает прекрасная Порция. Она выдает себя за доктора права и убеждает суд в том, что судить нужно не Антонио, а еврея Шейлока за покушение на убийство правоверного христианина. Милосердный суд, однако, прощает ростовщика с условием, что тот отдаст половину своего состояния бывшему должнику, Антонио, а сам примет христианство.

Иеринг говорит, что вексель, который Шейлок выдал купцу Антонио, был изначально недействительным, а решение суда называет жалким крючкотворством, далеким от реалий настоящей юриспруденции. Театрализованное судилище вызывает у Иеринга, как у опытного правоведа, тот же сарказм, с которым современные юристы смотрят судебные шоу по федеральным телеканалам, поскольку и эти шоу не имеют ни малейшего отношения к судебным реалиям. «Драматичность его (Шейлока. – *Прим. авт.*) положения основывается на том, что он питал твердое доверие к закону, которого ничем нельзя было поколебать и которое поддерживалось самим судьей, – как вдруг, подобно удару грома, над ним разражается катастрофа, открывающая ему глаза и напоминающая ему, что он еврей, для которого не существует закона»⁷. Хеппи-энд, навязанный Шекспиром, не кажется Иерингу таковым, поскольку вся развязка построена на лжесвидетельстве Порции и последующем поругании закона.

Мы, конечно, можем посчитать сюжет «Венецианского купца» двусмысленным и по другим причинам: в первую очередь из-за антисемитского подтекста. Но здесь любопытно другое: как на протяжении веков развивалась юридическая аргументация, а вместе с ней и представления людей о законности и справедливости. Гуманистические идеи, находившие отражение в европейском искусстве, неизбежно проникали и в юриспруденцию и меняли ее.

В свою очередь, и русские педагоги пользовались аналогичным приемом, обращаясь к художественным текстам для иллюстрации собственных суждений. В 1899 году на русском языке вышла брошюра другого немецкого правоведа, Йозефа Колера, «Шекспир с точки зрения права (Шейлок и Гамлет)» в переводе петербургского юриста и прекрасного знатока европейской культуры Якова Канторовича. С этого момента интерес к литературному анализу права как к научному концепту неуклонно растет.

Следуя за Иерингом, Колер не обходит вниманием сюжет «Венецианского купца», попутно отдавая должное Шекспиру за «обилие юридических идей»⁸. Однако, в отличие от своего предшественника, Колер считал вексель действительным, опираясь на средневековое законодательство и обычаи. При этом он признает сходство между шекспировским Шейлоком и Мефистофелем у Гёте: «И здесь герой заключает договор, которым он предает себя в руки

⁶ Закон суров, но это закон (*лат.*). Здесь и далее *прим. авт.*

⁷ Колер Й. Шекспир с точки зрения права (Шейлок и Гамлет). СПб.: Изд. Я. Канторовича, 1899. С. 4.

⁸ Колер Й. Шекспир с точки зрения права (Шейлок и Гамлет). СПб.: Изд. Я. Канторовича, 1899. С. 68.

злодея, и притом злодея *ex professo*⁹, самого сатаны»¹⁰. Но если «дьявольский договор не имеет силы», то вексель, пускай и заключенный на крайне невыгодных условиях, действителен. Колер уверен, что нужно видеть разницу между сюжетом произведения и его философией, нравственным посылом: «Победа над Шейлоком – высшее выражение человеческого права, как победа над дьяволом есть высшее выражение божественного права»¹¹.

Работа Колера – это уверенный шаг вперед в юридико-литературных исследованиях. Колер не сводит разбор художественного произведения к школярскому обсуждению казуса из университетского задачника по гражданскому праву для закрепления пройденного материала на семинаре. Он идет дальше и видит в шекспировском тексте универсальное нравственное мерило, влияющее на развитие правовой мысли и привносящее гуманистические идеалы в юриспруденцию.

Позиция Колера становится еще более очевидной, когда он переходит к другому не менее известному произведению Уильяма Шекспира – «Гамлету».

Гамлет, как известно, желал отомстить дяде Клавдию за убийство отца. В то же время сам Клавдий замышляет очередное преступление: теперь он намеревается расправиться со строптивым племянником. Несмотря на накал семейного противостояния, правоведы читают шекспировскую пьесу скорее как материалы уголовного дела, по которым можно изучать самые важные разделы уголовного права: стадии совершения преступления, формирование умысла, значение мотивов убийства, соучастие, фактические и юридические ошибки и так далее.

Убийству – одному из самых страшных злодеяний, на которые способен человек, – тысячи лет. Однако со временем менялись представления о сущности убийства, случаях, когда лишение жизни другого человека считалось не только дозволенным, но и справедливым. Оттого Колер говорит, что к истории Гамлета нельзя подходить формально, игнорируя этический контекст произведения и всей эпохи: «Нравственная фигура Гамлета стоит на рубеже двух эпох – эпохи кровавой мести и эпохи новейшего этико-правового мирозерцания. Поэтому значение характера Гамлета историческое. Гамлета, как и венецианского купца, можно постигнуть только под условием ознакомления со всею историческою эволюцией, только поставив его личность на почву универсально-исторического исследования»¹².

Получается, что для Иеринга право первично и нуждается в литературном тексте только как в наглядном материале для схоластических рассуждений и интеллектуальных упражнений. А Колер открывает в литературе своего рода источник добродетели, который питает право и способен в итоге изменить законодательство.

Сегодня право и литературу (*англ.* Law & Literature, *нем.* Recht und Literatur) как самостоятельное научное направление принято изучать в двух измерениях: «право в литературе» (*англ.* Law in Literature, *нем.* Recht in der Literatur) и «право как литература» (*англ.* Law as Literature, *нем.* Recht als Literatur).

Суть первого подхода мы уже показали: сюжеты художественных произведений анализируются на основе реальных правовых норм и методов, благодаря чему юристы, как ученые в лаборатории, экспериментируют и предвидят последствия своих решений. Но где юристам искать материалы для своих исследований? Конечно же, в литературе!

Второй подход – «право как литература» – получил распространение в Соединенных Штатах в 1970–1980-х годах и рассматривает само право как разновидность литературы. Наиболее основательно такой взгляд на право и литературу представлен в классической работе американского теоретика и философа права Джеймса Бойда Уайта «Юридическое воображе-

⁹ Профессиональный злодей (*лат.*).

¹⁰ Колер Й. Шекспир с точки зрения права (Шейлок и Гамлет). СПб.: Изд. Я. Канторовича, 1899. С. 72.

¹¹ Колер Й. Шекспир с точки зрения права (Шейлок и Гамлет). СПб.: Изд. Я. Канторовича, 1899. С. 75.

¹² Колер Й. Шекспир с точки зрения права (Шейлок и Гамлет). СПб.: Изд. Я. Канторовича, 1899. С. 11.

ние» (The Legal Imagination)¹³, а также в исследованиях других выдающихся американских правоведов: профессора Йельского университета Роберта Кавера и представителя чикагской юридической школы Ричарда Познера.

По мнению Уайта, право есть «чрезвычайно богатая и сложная система мыслей и выражений, социальных определений и практик»¹⁴, которая выражается устно или письменно. Мы уже говорили о том, что юрист, составляющий доверенность, завещание, текст договора или пишущий проект будущего закона, на время превращается в писателя. Хотя юрист имеет дело не с вымышленными героями, а с живыми людьми, его так же интересует язык юридических документов, правовая семантика, композиция, лингвистическое поле, на котором произрастают всевозможные законы, постановления и судебные прецеденты¹⁵.

В этой книге мы посмотрим на основные правовые нормы и ценности современного законодательства сквозь призму отечественной литературы. Таким образом, мы будем использовать *литературный анализ права*: Literature in Law и Literature as Law¹⁶ вместо Law in Literature и Law as Literature.

Литература не есть само право в строгом смысле этого слова. Однако юристы больше не могут игнорировать общественные идеалы – драгоценные алмазы, добытые писателями в рудниках человеческих душ и бережно ограненные ими. Анализ литературных текстов мало чем отличается от изучения судебных прецедентов и чтения законов. Более того, художественное слово дает ключи к пониманию общественной справедливости, которых не отыскать ни в каком собрании законов или юридической энциклопедии.

Конечно, найдутся скептики – главным образом среди тех юристов, «людей в футляре», для которых недопустимо связывать право и литературу.

Однажды на третьем курсе университета я беседовал с известной российской правозащитницей и по совместительству главным редактором авторитетного научного журнала по конституционному праву. Она язвительно бросила мне, что негоже правоведам заниматься чем-то еще, кроме чистого права. В качестве примера она привела своего коллегу, адвоката Петра Баренбойма. «Что же он за юрист, раз интересуется, помимо юриспруденции, флорентийским искусством эпохи Возрождения, библеистикой и даже философией? – с сочувствием вздохнула она. – Не юрист, а так... и швец, и жнец, и на дуде игрец».

Много лет спустя я осознал, что правда была на стороне Баренбойма. Лишь на первый взгляд у скульптур Микеланджело, ветхозаветных притч и кантианской философии, знатоком которых был прославленный адвокат, нет ничего общего с положениями всевозможных кодексов и разъяснениями судебных инстанций. А ведь юриспруденция, как часть человеческой культуры и один из ее величайших рукотворных памятников, неразрывно связана с искусством. Стало быть, познать закономерности и принципы права невозможно без глубокого погружения исследователя в цивилизационный контекст, основу которого, конечно же, составляет литература.

«Но как же, – снова запротестует юрист, – вы предлагаете изучать право с помощью литературы, забывая, что в самой литературе царит полный хаос и нет консенсуса ни по одному вопросу».

В доказательство нам справедливо припомнят извечные разногласия между классицистами, романтиками и реалистами. Еще более напряженными оставались творческие – а иногда и личные – отношения между акмеистами, футуристами, символистами и представите-

¹³ White J. B. The Legal Imagination. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1985.

¹⁴ White J. B. The Legal Imagination. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1985. P. XIII.

¹⁵ В отличие от литературного текста, слово, произносимое юристами (в особенности судьями и законодателями), способно реально и почти мгновенно влиять на судьбы людей, лишая граждан денег, свободы и даже жизни (см. подр.: Cover R. Violence and the Word // Yale Law Journal. 1986. Vol. 95. P. 1609–1610).

¹⁶ «Литература в праве» и «литература как право» (англ.).

лями прочих литературных школ прошлого. Можно продолжить этот ряд и привести в пример и споры всевозможных почвенников, славянофилов и западников. Да и условное западничество никогда не было монолитным: внутри себя оно распадалось на религиозные, либеральные и социалистические течения... Как определить среди литературного многообразия «несущие колонны», на которых и полагается зиждиться великому зданию юриспруденции?

Для юриста противоречивость литературы есть ее преимущество, а не недостаток. Задача юридического сознания в этом и состоит – формировать общее из частных, причем нередко противоречивых и взаимоисключающих. Фактологический, идейный и ценностный материал, который заложен в литературных текстах, служит для юридической науки незаменимым средством познания и самопознания.

«Но как же?..» – не дослушав, вы снова перебьете меня.

Читателю, которого заинтересовала мысль о соотношения права и литературы, пускай и вызвав у него некоторые возражения, посвящается следующая часть книги.

Часть I. Былое и думы

В самые мрачные годы отечественной истории, когда беззаконие возводилось в ранг публичного закона, лишь литература, подобно библейскому пастуху Давиду, бросала вызов Голиафу – всей государственной машине и чиновничьему произволу.

На первый взгляд юриспруденция выступает неммым свидетелем конфликтов между государством и литературным миром. Преследования писателей всегда были связаны и с упадком юридической мысли. Раскрепощение мастеров художественного слова, их освобождение от кандалов цензуры сопровождалось и общей демократизацией законодательства. История русской литературы – это и история отечественного права. Более того, под влиянием нашей литературы российские законы непрерывно менялись. И что немаловажно, в лучшую сторону.

Писатель Владимир Войнович, узнав о том, что его лишили советского гражданства, дерзнул написать открытое письмо Леониду Брежневу: «Я Вашего указа не признаю и считаю его не более чем филькиной грамотой. Юридически он противозаконен, а фактически я как был русским писателем и гражданином, так им и останусь до самой смерти и даже после нее. Будучи умеренным оптимистом, я не сомневаюсь, что в недалгом времени все Ваши указы, лишаящие нашу бедную родину ее культурного достояния, будут отменены. Моего оптимизма, однако, недостаточно для веры в столь же скорую ликвидацию бумажного дефицита. И моим читателям придется сдавать в макулатуру по двадцать килограммов Ваших сочинений, чтобы получить талон на одну книгу о солдате Чонкине»¹⁷.

Войнович, вооруженный неповторимым слогом, был подобен Давиду: он вышел на бой с обычной пращей и сумел почти что в одиночку одолеть великана, наводившего ужас на целые народы.

¹⁷ Войнович В. Н. Брежневу // Войнович В. Н. Малое собрание сочинений. В 5 т. М.: Фабула, 1993. Т. 1. С. 702.

В российской истории постоянно существовало противостояние писателей и «государевых людей», что, впрочем, не означает, что такой же конфликт есть между литературой и правом. Писатели враждебны не к законам своего Отечества, а к их несовершенству, но именно этим они вызывают гнев высоких чинов.

Разумеется, со схожей проблемой сталкивались литераторы не только в нашей стране, но и во всем мире. В России же этот конфликт стал и, по всей видимости, остается лейтмотивом литературного процесса. Неустанная борьба многих поколений поэтов, прозаиков и критиков с правительственной цензурой и гнетом, беспощадные гонения и репрессии со стороны властей превратили русскую литературу в особый феномен гражданского сопротивления и неповиновения. Писатель, который служит государственным сановникам, напротив, часто вызывает в читательской среде насмешки.

Александр Пушкин в конце 1820-х годов смягчил антиправительственную риторику и написал ряд патриотических воззваний. Наибольшую известность получило стихотворение 1831 года «Клеветникам России», посвященное польскому восстанию. Реакция литературной критики и ближнего круга, привыкших к задиристому, фрондирующему стилю поэта, была достаточно противоречивой: Александр Тургенев обвинил Пушкина в варварстве¹⁸, а Петр Вяземский – в святотатстве¹⁹.

Действительно, «Клеветникам России» контрастирует с более ранними стихами поэта, в которых он яростно обличает самовластие и воспекает гражданскую свободу, как, например, в произведении «К Чаадаеву» 1818 года. Оттого для многих современников стихотворение «Клеветникам России» стало полной неожиданностью. Но в действительности даже после этой публикации Пушкин не превратился в придворного, лакействующего певца од. Он не предал собственный талант, а само стихотворение «Клеветникам России» во многом отражало эволюцию его личных взглядов.

Всякий поэт, как и любой гражданин, волен проявлять солидарность с правительством и его политикой. Но подобные решения должны оставаться частным делом писателя, а не требованием властей. В тех случаях, когда у литератора заломлены руки и рот забит кляпом, он может лишь мычать, но не заниматься творчеством.

Неудивительно, что в прямых схватках с государством писатели почти всегда обречены на поражения, оказываясь в тюрьме или в изгнании. Такая участь постигла в XIX веке Александра Герцена, вынужденного уехать из России. В прошлом столетии его судьбу невольно повторили самобытные представители белой эмиграции, отказавшиеся склонить голову перед большевизмом. Наиболее заметны среди той плеяды литературных деятелей Иван Бунин, Гайто Газданов, Зинаида Гиппиус, Георгий Иванов, Дмитрий Мережковский, Владимир Набоков, Игорь Северянин, Надежда Тэффи, Владислав Ходасевич и другие. Им на смену в советское время пришли диссиденты эпохи застоя, выдворенные из собственной страны. Среди последних – два нобелевских лауреата: Иосиф Бродский и Александр Солженицын.

К счастью, за тяжкими поражениями всегда следовали победные дни русской литературы. Родина рано или поздно признавала неправоту перед сыновьями и дочерьми, которых она преследовала за преданность художественному слову. Спустя десятилетия портреты всех перечисленных писателей висят в школьных аудиториях, а их произведения включены в обязательную программу и учебники по литературе.

Наша литература – больше чем литература, оттого и литературой ее назвать сложно. На этот парадокс однажды обратил внимание Сергей Довлатов: литература в России всегда выполняла функции, природой вещей для нее как бы не предусмотренные. Так, гонимые

¹⁸ Муравьева О. «Вражды бессмысленный позор...». Ода «Клеветникам России» в оценках современников // Новый мир. 1994. № 6. С. 198.

¹⁹ Муравьева О. «Вражды бессмысленный позор...». Ода «Клеветникам России» в оценках современников // Новый мир. 1994. № 6. С. 203.

и обездоленные читатели искали утешения не у священников в церкви, а у любимых авторов. Русская православная церковь, пишет Довлатов, «никогда не пользовалась в народе большим авторитетом»²⁰, поэтому «в русских народных сказках полно издевок и насмешек над священнослужителями – попами и попадьями, которые изображаются, как правило, алчными, глупыми и хитрыми людьми»²¹. В итоге именно писатели оказывались в роли духовников читательской паствы.

Кроме того, литературе пришлось замещать и философскую науку, которая, в отличие от западноевропейских стран, возникла в России сравнительно поздно и во многом следовала сформировавшимся иностранным канонам. «Исторически же философов в России заменяли всякого рода антисоциальные личности – юродивые, кликуши, спившиеся резонеры и попросту балаганские шуты, – продолжает Довлатов²². И снова на помощь приходили русские литераторы, в трудах которых и развивалась самобытная философская мысль.

Ни церковные иерархи, ни профессиональные философы не смогли сделать в России того, что удалось русским писателям, – сформировать представления о добре и зле, должном и запретном, вечном и бренном, праведном и греховном, то есть об универсальных, близких большинству жителей страны постулатах. Для юриспруденции эти понятия особенно важны, поскольку они образуют этический фундамент права как искусства добра и справедливости (*лат.* *ius est ars boni et aequi*)²³.

Для сравнения: западное правоведение еще со Средних веков находилось под мощным влиянием религиозной догматики и господствовавших тогда философских школ. Причем наиболее заметными философами были католические аббаты, что приводило к естественному сращению богословия и философии, а вслед за ними и юриспруденции. Фундаментальные изыскания в области европейского права так или иначе были связаны с теологической апологетикой, что в конечном счете приводило к клерикализации юриспруденции.

Например, «Шесть книг о государстве» (*Les six livres de la République*) французского мыслителя XVI века Жана Бодена интерпретируют священные тексты и адаптируют их к абсолютистским реалиям того времени. Все базовые категории юридического учения Бодена построены на толковании библейских догм. Так, государству, пишет ученый, его подданные должны быть благодарны за то, что ему, «после бессмертного Бога, мы обязаны всем»²⁴. Человеческие права, продолжает Боден, следует охранять, поскольку они дарованы Богом. Отказ от соблюдения земных законов воспринимается как вызов воле Господа и установленному им порядку. Таким образом, христианская мораль на протяжении столетий оставалась первоосновой европейской юриспруденции.

В России, однако, мы ничего подобного не видим. Отечественное правоведение, возникнув как социальная наука, лишь в XVIII веке²⁵ было почти свободным от влияния церкви. Как следствие, русский юрист, который пытался разглядеть нравственные основания правоведения, искал ответы на волнующие его вопросы не на церковной проповеди и не в глубоко-

²⁰ Довлатов С. Д. Блеск и нищета русской литературы // Довлатов С. Д. Блеск и нищета русской литературы. Филологическая проза. СПб.: Азбука-Классика, 2013. С. 95.

²¹ Довлатов С. Д. Блеск и нищета русской литературы // Довлатов С. Д. Блеск и нищета русской литературы. Филологическая проза. СПб.: Азбука-Классика, 2013. С. 95.

²² Довлатов С. Д. Блеск и нищета русской литературы // Довлатов С. Д. Блеск и нищета русской литературы. Филологическая проза. СПб.: Азбука-Классика, 2013. С. 95.

²³ Неслучайно вера в добро и справедливость (а значит, и в право) упоминается в преамбуле российской Конституции.

²⁴ Мачин И. Ф. История политических и правовых учений: учебное пособие для вузов. М.: Юрайт, 2009. С. 84.

²⁵ Речь идет о юридической науке (правоведении, законоведении), а не о законах вообще. Сравнительно развитая законотворческая традиция существовала и в Древней Руси, позже – в объединенном Русском государстве. Однако наука о праве оформилась не раньше второй половины XVIII века лишь после того, как в Москве был учрежден юридический факультет в первом университете страны.

мысленных трактатах мудрствующих философов, а в литературных салонах и в лавках с художественной литературой.

Несомненно, литература возникла в России значительно раньше юридической науки, но исторически существовавшие литературные формы (народные песни, летописи, воинские повести, жития святых) были далеки от современных образцов – романов, повестей, пьес, поэтических форм и так далее. Нынешние очертания отечественная литература приобрела в XVIII веке благодаря расширению контактов с Западом, знакомству русских литераторов с европейской классикой и беллетристикой, распространению книгопечатания и газетного дела, а также языковой реформе Михаила Ломоносова. В этом смысле развитие русской литературы и юридической науки с XVIII века во многом синхронизируется.

К тому же именно литература была общественной силой, способной если не оппонировать государству, то, по крайней мере, сохранять от него определенную дистанцию, самостоятельность и трезвомыслие. Начиная с XIX века писательство и вовсе рассматривается в качестве общественного долга. Автор, создававший художественное произведение, исходил из того, что своим трудом он прежде всего служит народу. В обиход вошло понятие народности литературы, под которой, по мнению Виссариона Белинского, полагалось «разуметь верность изображения нравов, обычаев и характера того или иного народа»²⁶.

Одним из значимых событий в истории русской литературы можно считать создание комедии в стихах «Горе от ума» (1822–1824) Александра Грибоедова. Он отказался от вычурного языка классицистов: «впустил» в свои тексты просторечные выражения, благодаря чему его герои заговорили живым языком городской среды того времени.

Подражая Грибоедову, и другие авторы начали использовать аналогичный прием, отчего литература перестала восприниматься как китайская грамота для большей части населения. Такая перемена по своей сути была революционна и сопоставима с переводом Библии на немецкий язык, который осуществил Мартин Лютер в XVI веке, благодаря чему священные тексты стали доступны широким слоям германского общества.

Однако совсем скоро, в 1840-е годы, идея о народности привела не к объединению, а к расколу литературы в России. Славянофилы считали важным сохранение русской самобытности в литературе за счет фольклорных мотивов и сюжетов. Западники же исходили из того, что народность состоит в реалистичности литературы, ее открытости социальным преобразованиям и вызовам.

Позже термин «народность» и вовсе приобрел иное содержание и обозначал доступность художественного слова для широкого читателя. Литература становилась по-настоящему народной и не могла больше игнорировать социальные проблемы.

В конце XVIII века даже косвенная критика монархизма и его отдельных изъянов казалась почти немислимой. Повествование о губительности самодержавия и угнетения крепостных крестьян помещиками в «Путешествии из Петербурга в Москву» Александра Радищева вызвало гнев Екатерины Второй, а самого писателя арестовали, посадили в крепость и по распоряжению государыни сослали в Сибирь.

Но уже в XIX веке публикации, подобные радищевскому «Путешествию», мало кого удивили бы. Этому во многом поспособствовала и русская критика, формировавшая высокие общественно-политические требования к литераторам. Виссарион Белинский, Николай Добролюбов и Николай Чернышевский призывали писателей не бояться самых острых тем в творчестве и смело говорить о пороках самодержавия.

Недостаточная критичность к царскому режиму и, хуже того, лояльность короне воспринимались читательской аудиторией и критикой как проявление дурного тона в литературе.

²⁶ Белинский В. Г. О русской повести и повестях г. Гоголя // Н. В. Гоголь в воспоминаниях современников. М.: Гос. изд-во художественной литературы., 1952. С. 343.

Показательно, что после выхода антиреволюционного, провластного, как сказали бы сегодня, романа Николая Лескова «Некуда» в 1864 году на автора, известного весьма умеренными, консервативными взглядами, ополчилась буквально вся прогрессивная критика под предводительством Дмитрия Писарева, а позже и Михаила Салтыкова-Щедрина. Впоследствии перед Лесковым надолго закрылись двери многих издательств и литературных журналов.

В другом произведении Лескова, рассказе «Левша», опубликованном в 1881 году, упоминаются русские цари Александр Первый и Николай Первый, донской казак Платов, события Крымской войны 1853–1856 годов, что придает произведению реалистичность²⁷. История главного героя, Левши, хотя и представляется в форме сказа, полностью вымышлена. Автор повествует о народном умельце, сумевшем подковать блоху. Подчеркивая талант своего героя и пользу народных талантов для военного дела, Лесков пытается художественно объяснить причины неудач России в Крымской войне.

По сюжету Левша перед своей смертью просит передать государю, «что у англичан ружья кирпичом не чистят, пусть чтобы и у нас не чистили, а то, храни бог войны, они стрелять не годятся»²⁸. Просьбу его не исполнили из-за генеральской узколобости и нежелания прислушиваться к мнению людей из народа. Расплатой за скудоумие армейских чинов, говорит Лесков, стало поражение России в Крымской войне: «А доведи они левшины слова в свое время до государя, – в Крыму на войне с неприятелем совсем бы другой оборот был»²⁹.

Государственническая, монархическая риторика, к которой прибегает Лесков, вызывала отторжение и раздражение у многих критиков. В особенности модные тогда литературные журналы – «Вестник Европы», «Отечественные записки» и другие – без большого энтузиазма относились к лесковским произведениям. Впрочем, Лескова это так и не вынудило отречься от своих убеждений.

Здесь можно привести и другой пример: нежелание Афанасия Фета говорить в стихах о политике, его почти нарочитый лиризм вызывали насмешки среди критиков, выступавших с трибуны журнала «Современник» и обладавших огромным влиянием в творческой среде. В результате Фет, как и Лесков, надолго был изгнан из литературных салонов, его не публиковали в авторитетных изданиях, а едва ли ни единственными читателями его стихов в этот период были Лев и Софья Толстые, с которыми Фет состоял в дружеской переписке и делился собственными произведениями.

Другие писатели, однако, желая попасть на страницы популярных журналов, проявляли большую гибкость и пытались угодить пристрастным редакторам. Все это вело к политизации литературы, формированию либерального, демократического мейнстрима в общественном пространстве. Именно тогда, во второй половине XIX века, некрасовская формула «поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан»³⁰ стала важнейшим императивом для литераторов: писателю не позволялось оставаться безразличным к общественной жизни.

Отмене крепостного права предшествовала широкая литературная дискуссия о судьбе русского крестьянства. Так, для Николая Гоголя крепостничество и есть источник зла, но, будучи заповеданным Богом («нет власти, которая бы не была от Бога»³¹), требует смирения.

²⁷ Художественный реализм вполне приемлет некоторые отступления от исторической правды. Так, в «Левше» Платов встречается с императором Николаем Первым. В реальности это было бы невозможно, потому что на момент воцарения Николая Павловича (1825) Платов уже скончался (1818). Такие отступления не случайны, а подчинены идее автора, который таким образом подчеркивает вымышленный характер повествования.

²⁸ Лесков Н. С. Левша // Лесков Н. С. Собрание сочинений. В 11 т. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1958. Т. 7. С. 58.

²⁹ Лесков Н. С. Левша // Лесков Н. С. Собрание сочинений. В 11 т. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1958. Т. 7. С. 58.

³⁰ Некрасов Н. А. Поэт и гражданин // Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений. В 5 т. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1948. Т. 2. С. 12.

³¹ Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями. СПб.: Тип. Департамента внешней торговли, 1847. С. 156.

А уже Иван Тургенев называет крепостное право своим личным врагом, с которым он «не мог дышать одним воздухом» и с которым «он решился бороться до конца»³². Борьба двух противоположных, несовместимых полюсов в конечном счете привела к великим реформам Александра Второго и освобождению крестьянства.

Вне всякого сомнения, без интеллектуального брожения, начавшегося в литературной среде и позже затронувшего все слои общества, долгожданное освобождение крестьян в 1861 году было бы невозможно. Среди читателей Николая Гоголя и Ивана Тургенева были не только простые горожане, конторские писари, студенты, лавочники и промышленники, но и члены царской семьи. Поэтому голос писателей помогал донести до властей народные чаяния, обходя царедворцев и многочисленную императорскую свиту.

Настоящий вред литературе принесла тем не менее не тенденциозная критика, а царская цензура. Так, публикации поэмы Николая Гоголя «Мертвые души» предшествовала изнурительная борьба писателя с чиновниками. Нарекания цензоров вызывало даже название, ведь христианская догма учит, что души бессмертны, после физической смерти людей ждет вечная жизнь. В итоге книга увидела свет под компромиссным названием: «Похождения Чичикова, или Мертвые души».

Самые серьезные сложности возникли у Гоголя из-за «Повести о капитане Копейкине», органично вплетенной в полотно текста «Мертвых душ». «Это одно из лучших мест в поэме, и без него – прореха, которой я ничем не в силах заплатать и зашить. Я лучше решился переделать его, чем лишиться вовсе», – возмущенно писал Гоголь, отважно борясь с цензурой³³.

По сюжету капитан Копейкин – герой войны двенадцатого года. Лишившись в боях за Отечество руки и ноги, он вернулся домой калекой и остался без средств к существованию. В поисках справедливости Копейкин едет в Петербург, где обивает пороги чиновничьих кабинетов, но нигде не может добиться справедливости. Через два месяца появляется новость о том, что в рязанских лесах завелась шайка разбойников, атаманом которой, как намекает Гоголь, и стал бывший герой войны.

Что же так раздосадовало цензуру в этой на первый взгляд безобидной повести? «Сатирическая направленность... – объяснял в советское время Юрий Лотман, – была причиной цензурных осложнений, затруднивших публикацию “Мертвых душ”»³⁴.

И правда, здесь мы видим целую палитру характеров грубоватых чиновников, безразличных к судьбе инвалида войны. «Значит, вот как наша страна обходится со своими защитниками», – говорит себе каждый, кто узнает о судьбе гоголевского Копейкина.

Гоголь, понимая безвыходность своего положения, пошел на уступки, убрав из текста наиболее резкие высказывания, а также отрывки, бросавшие тень на армейское начальство. В итоге произведение опубликовали с некоторыми корректировками, но в целом оно не утратило своих литературных достоинств.

Однако уже к началу XX века некрасовский императив не кажется бесспорным. Например, в пьесах Антона Чехова мы не видим доминирующего социально-политического подтекста. Даже в «Вишневом саде» такой подтекст второстепенен и подчинен личным переживаниям и судьбам героев.

³² Тургенев И. С. Вместо вступления (из цикла «Литературные и житейские воспоминания (1854–1883)») // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем. В 30 т. Сочинения. В 12 т. М.: Наука, 1983. Т. 11. С. 9.

³³ Лотман Ю. М. Пушкин и «Повесть о капитане Копейкине» (К истории замысла и композиции «Мертвых душ») // Лотман Ю. М. Пушкин. Биография писателя. Статьи и заметки, 1960–1990; «Евгений Онегин»: комментарий. СПб.: Искусство-СПб., 1995. С. 267.

³⁴ Лотман Ю. М. Пушкин и «Повесть о капитане Копейкине» (К истории замысла и композиции «Мертвых душ») // Лотман Ю. М. Пушкин. Биография писателя. Статьи и заметки, 1960–1990; «Евгений Онегин»: комментарий. СПб.: Искусство-СПб., 1995. С. 266.

Русская литература, как известно, разделившаяся после 1917 года на эмигрантскую и советскую, оказалась на распутье. Так, чеховское отстраненное отношение к общественно-политической повестке восприняли и сохранили литераторы, покинувшие Россию после Октябрьской революции. С неподдельной брезгливостью относятся к литературному морализаторству и политизации творчества Владимир Набоков: «Мне претят писатели, занимающиеся рэкетом социальной критики. Я презираю примитивные причуды обывателя, щеголяющего бранными словами. Я не желаю хвалить роман только на том основании, что он написан храбрым чернокожим из Африки или смельчаком из России – или представителем какой-то определенной группы в Америке»³⁵.

Что же касается советской литературы, то там некрасовский взгляд на писателя не просто получил вторую жизнь, а был доведен до абсурда: темы революции и социалистических преобразований агрессивно навязывались литераторам, безразличие к политическим событиям считалось едва ли не преступлением. Неудивительно, что и просто писать о любви, дружбе и прочих человеческих переживаниях стало почти невозможным. Все должно было быть подчинено государственной идеологии и установкам Коммунистической партии и ее подручных.

То, что казалось в царской России произволом цензуры и тонуло в сочувственных вздохах дам, причитающих на торжественных балах, у советских литераторов вызывало ностальгию и неподдельную зависть. Опубликуй Гоголь «Мертвые души» не в 1842 году при императоре Николае Первом, а ста годами позже, в 1942 году, во время правления Иосифа Сталина, писатель сгинул бы в лагерях.

Тогда, в первые десятилетия советской власти, в России писателей часто называли инженерами человеческих душ. Кстати, эту мысль первым высказал Юрий Олеша³⁶, а лишь потом данное выражение приписали Сталину. В советское время мастера слова не могли заниматься привычным «инженерным» делом без постоянных оглядок на государство.

В таком обществе, как предсказывал один из левовцев³⁷, поэт-футурист Сергей Третьяков, не станет особой нужды в литературе и писателях, ведь можно будет довольствоваться газетами. «То, что газетчик и карикатурист на стягах демонстрации вытесняют прежних живописца и поэта, есть факт, несомненно, положительный», – заявлял Третьяков³⁸.

Похожую мысль высказывает другой левовец – Владимир Маяковский:

В газеты!

Не потому, что книга плоха,

Мне любо с газетой бодрствовать!³⁹

Большевики не уничтожили литературу так же, как они обошлись с целым рядом научных школ, которые заменили псевдонауками. Так, вместо традиционного языкознания властями некоторое время навязывался так называемый марризм, на место изгнанных из научных институтов генетиков пришли селекционеры-лысенковцы и так далее.

С литературой советская власть поступила хитрее и попробовала поставить литераторов на службу себе. Для этих целей в 1934 году провели первый съезд советских писателей, целью

³⁵ Интервью Владимира Набокова Мартину Эслину // Набоков о Набокове и прочем: интервью, рецензии и эссе. М.: Независимая газета, 2002. С. 234.

³⁶ Олеша Ю. К. Зависть // Олеша Ю. К. Избранное. М.: Художественная литература, 1974. С. 57.

³⁷ ЛЕФ («Левый фронт искусств») – творческое объединение, которое существовало в 1922–1929 годах в СССР. Левовцы считали себя единственными и настоящими представителями революционного искусства.

³⁸ Третьяков С. М. Газета на шестах // Новый ЛЕФ. 1927. № 10. С. 19.

³⁹ Маяковский В. В. Писатели мы («Раньше уважали исключительно гениев...») // Маяковский В. В. Полное собрание сочинений. В 13 т. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1958. Т. 9. С. 112.

которого провозгласили создание литературы социализма. Результатом съезда стало учреждение Союза писателей – централизованного объединения писателей, осуществлявшего контроль за каждым советским литератором. «Плохих» (читай: неугодных властям) писателей теперь можно было без труда исключать из объединения и тем самым лишать самого права называться писателем, а также льготных путевок в Гагры, дач в Переделкине, заграничных командировок и приличных гонораров.

Это явление обыгрывается в известной сцене романа «Мастер и Маргарита», где контролерша отказывается пускать посетителей в дом заседаний вымышленной писательской организации МАССОЛИТ (обозначаемый как «грибодовский дом»), если те не предъявят писательские удостоверения. На это Коровьев иронично произносит: «Так вот, чтобы убедиться в том, что Достоевский – писатель, неужели же нужно спрашивать у него удостоверение? Да возьмите вы любых пять страниц из любого его романа, и без всякого удостоверения вы убедитесь, что имеете дело с писателем. Да я полагаю, что у него и удостоверения-то никакого не было!»⁴⁰ Но Коровьев, как бы горько это ни звучало, не прав: Достоевский в сталинском Советском Союзе не мог бы считаться полноправным писателем, не имея членского билета объединения советских писателей.

Именно в сталинские годы цензурный контроль приобрел невиданный ранее тотальный характер. Отныне в официальной печати не допускалась ни прямая, ни косвенная критика Советского государства и Коммунистической партии. Единственно «законным» направлением в искусстве, то есть таким, которое одобряет и поддерживает государство, объявили социалистический реализм. По словам Максима Горького, это направление в литературе призвано было не без пафоса утверждать «бытие как деяние, как творчество»⁴¹.

Книжные полки завалили сотнями однообразных повестей о трудолюбивых колхозниках, полярниках, сталеварах, строителях гидроэлектростанций, железнодорожниках, летчиках и геологах – людях труда, лучших представителях Страны Советов, как тогда говорили. Все они боролись за выполнение государственного плана на очередных пятилетках. Подобные персонажи по своему психологизму и драматизму никогда не достигали глубины и детальности образа даже Павла Корчагина из романа «Как закалялась сталь» Николая Островского, не говоря уже о классике XIX века.

Антигероями, в свою очередь, выступали глуповатые шпионы, засланные иностранными разведками; «недобитые» после революции дворяне и их потомки, жаждущие реванша; алчные попы и тайные вредители. В развязке таких произведений, к всеобщему счастью, врагов обязательно разоблачали и передавали в руки милиции, а советский народ мог праздновать очередную победу в борьбе за светлое дело социализма.

Суть социалистического реализма наглядно объясняет Владимир Набоков в сравнении с англосаксонскими боевиками: «Злодей обыкновенно будет наказан, а сильный молчаливый герой завоевывает любовь слабой говорливой барышни, но в западных странах нет правительственного закона, запрещающего рассказы, которые не подчиняются этой нежной традиции, поэтому у нас всегда остается надежда, что преступный, но романтический герой будет разгуливать на воле, а добрый, но скучный мальчик в конце концов будет отвергнут своенравной героиней. У советского писателя такой свободы нет. Его эпилог продиктован законом, и читателю это так же хорошо известно, как и писателю»⁴².

Писателей, которые отказывались следовать примитивным шаблонам, объявляли вне закона. Любое инакомыслие почти незамедлительно приводило к репрессиям: разгрому

⁴⁰ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита // Булгаков М. А. Собрание сочинений. В 5 т. М.: Художественная литература, 1990. Т. 5. С. 343.

⁴¹ Горький М. Наша литература – влиятельнейшая литература мира (Речь на пленуме правления Союза советских писателей 7 марта 1935 года) // Горький М. О литературе: статьи и речи 1928–1935 гг. М.: Художественная литература, 1935. С. 390.

⁴² Набоков В. Лекции по русской литературе. СПб.: Азбука-Классика, 2010. С. 36–37.

редакций, общественному порицанию в печати, исключению из партии и Союза писателей, полному запрету на публикации и даже уголовному преследованию. В тридцатые годы прошлого века жертвами сталинского террора стали Осип Манделъштам и Исаак Бабель, Даниил Хармс и Бенедикт Лифшиц.

Партийные постановления давали формальные основания карательной политики. Писатели должны были следовать «линии партии», что не могло не бить по их творческой самостоятельности, возможности их самовыражения. Яркой иллюстрацией той поры служит постановление оргбюро ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» 1946 года и последовавший за ним доклад Андрея Жданова⁴³, после которого на долгие годы были запрещены произведения Анны Ахматовой и Михаила Зощенко, а самих писателей вычеркнули из литературного процесса и обрекли на нищенское существование.

Но даже в условиях сталинского террора, уничтожения и унижения интеллектуальной среды литераторы продолжали заниматься творчеством, нередко ставя на кон свою жизнь. Например, советский писатель еврейского происхождения Цви Прейгерзон писал главный роман своей жизни – «Когда погаснет лампада» – по ночам, втайне даже от самых близких людей. Он опасался, что те по легкомыслию могут проговориться, что их родственник трудится над книгой о холокосте на иврите. Дело в том, что тема холокоста, как и использование иврита в печати, в послевоенные годы были почти полностью табуированы.

Понятно, что литература сталинского периода толком не оставила произведений, которые пережили бы ту эпоху. Исключение составляет военная лирика, нашедшая сердечный отклик в народных сердцах, а также творчество Бориса Пастернака, Самуила Маршака, Михаила Шолохова, Алексея Толстого и ряда других писателей.

Посмотрим на список лауреатов самой престижной, Сталинской, премии по литературе. Абсолютное большинство имен литераторов, обласканных советской властью, неизвестно современному читателю, а их произведения со схематичными сюжетами, некогда публиковавшиеся многомиллионными тиражами, представляют сегодня библиографическую ценность разве что для исследователей эпохи сталинизма.

Но почему именно литература служила голосом несогласных для целых поколений наших соотечественников? Дело в том, что преимущество художественного высказывания в несвободном обществе – иносказательность, использование эзопова языка, историзм, а именно перенесение нарратива в иные временные и территориальные рамки. Примерами сказанному служат исторические романы и антиутопии. Оказывается, что в полностью несвободном обществе последним островком свободы может быть лишь литература.

Здесь уместно упомянуть разговор двух писателей: Евгения Шварца, автора «Обыкновенного чуда», и Юрия Германа, сегодня почти забытого представителя социалистического реализма.

– Хорошо тебе, Женя, фантазируй и пиши, что хочешь. Ты же сказочник! – иронично заметил Герман, намекая на то, что сюжеты большинства произведений Шварца разворачиваются в вымышленных королевствах и как будто бы рассчитаны на детей.

⁴³ Жданов А. Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград». М.: Госполитиздат, 1952.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.